

Писать А. П. Бондин начал еще в дореволюционную пору, но это было не более как свойственное многим – юношеское стихослагательство. Сам он вспоминал – писал о березке, а что и как – ничего в памяти не сохранилось.

После Октябрьской революции А. П. Бондина потянуло в литературу уже по-серьезному. Он написал свое первое драматическое произведение «Враги». Тагильчанам пьеса понравилась.

Узнав из газет об организации при журнале «Товарищ Терентий» литературного кружка, Алексей Петрович приехал в гор. Свердловск (Екатеринбург) к объявленному дню собрания. Привыкший к строгой дисциплине в депо, он явился точно к назначенному времени, когда еще никого из писательской группы не было. Огляделся, спросил, – туда ли попал? Обменялся еще парой слов и стал спокойно ожидать, не отвлекая других от работы и как-то сразу почувствовалось, что это профессиональный рабочий, привыкший к жизни цеха. Внешне это не было подчеркнуто. Ни расстегнутого ворота, ни замасленной куртки, ни грязных рук, что по обычаям того времени считалось чуть не обязательным для рабочего. Наоборот, явился подтянутым, даже слегка прифранченным, а все-таки видно было, что это рабочий, из тех самых, о которых много говорилось на собраниях искателей.

На собрании после первой же читки начался обычный спор. Алексей Петрович держался в стороне, внимательно слушал, но в разговор не вмешивался. Когда писатели разошлись окончательно переругавшись, он подошел к моему столу и с удивлением спросил:

– Эти тоже в газетах работают?

Услыша отрицательный ответ, он с удовлетворением ответил:

– Я так и думал.

Разговорились. Оказалось, что он слесарь Тагильского депо. Написал пьесу, готовит материал для повести. Сюда приезжает довольно часто. Ищет литературной учебы. Чутье подлинного художника подсказало ему, что эта литературная группа ему не по пути. Помню, прощаясь, Алексей Петрович, коротко определил свое отношение к ней:

– А пошли они к черту, пустоплясы!

С этой памятной мне встречи у нас завязалось знакомство, перешедшее в дружеские отношения, тем более что у нас оказалось много близкого в работах по вопросам уральской старины.

При посещении города Алексей Петрович неизменно находил время, чтобы заглянуть ко мне в редакцию или на квартиру и поговорить по вопросам литературы. Не один раз совместно посещали мы новый литературный кружок, который возник при «Уральском рабочем» и не имел особого названия. На первый план здесь выдвигалась литературная учеба, но руководители кружка тоже ориентировались «на освоение последних», имея в виду писателей и особенно поэтов предреволюционного периода.

В этом кружке Алексей Петрович читал отрывки из своей повести. Как раз перед этим была читка Андрея Белого.

После словесных вихляний и всякого рода фокусов, простые, бесхитростные слова о жизни на старом демидовском заводе прозвучали по меньшей мере неожиданностью. Руководители кружка, пожалуй, склонны были взглянуть на это свысока, очернив произведение словом «бытовщина», но положение Алексея Петровича, как рабочего профессионала, сдерживало их. Усердные поклонники эстетов в стиле Андрея Белого не забывали все-таки окружающую обстановку и критиковали работу Алексея Петровича осторожно, стараясь направить «начинающего» на «верный путь». Что они разумели под эти путем – непонятно.

Но у Алексея Петровича в кружке нашлось немало и таких сторонников, которые говорили, что это как раз и есть самый верный путь. По нему и надо идти дальше, правдиво рассказывая о той жизни, которую до сих пор описывали чаще с других слов или мимолетных впечатлений. Доказывали, что основное преимущество писателя-рабочего перед всеми остальными заключается в том, что он на себе и на своих близких полностью испытывал всю тяжесть капиталистического гнета, все формы эксплуатации. В силу этого рассказ Алексея Петровича является новым в том смысле, что здесь явления и факты осмысливаются революционным сознанием самого рабочего, и те мелочи, которые порой мало заметны постороннему наблюдателю, здесь получают другое значение, другой смысл и вызывают иные обобщения и выводы.

Примерно, в таком же порядке шел спор о языке рассказов. Одни, ориентируясь на изысканно построенные фразы, очень усердно возражали против местных слов, другие, наоборот, доказывали, что местные слова придают нужную окраску всему рассказу.

Сам Алексей Петрович после кружка сделал по этому поводу решительный вывод:

– Обязательно назову эту повесть «Связчики». Чем плохо это наше слово?

– Раз пишешь на Урале и об Урале, говорил Алексей Петрович, то должен отразить и особенности речи.

Алексей Петрович глубоко чувствовал свое призвание и крепко верил в правильность своего творческого пути. Но редко редактору приходилось работать с таким автором, как Алексей Петрович. Он удивительно легко и спокойно относился к поправкам и редакторским требованиям. С одинаковой охотой он шел и на сокращение и на расширение частей, иногда делал даже по несколько вариантов одного и того же.

Теперь, когда смерть так неожиданно и нелепо оборвала прекрасную жизнь Алексея Петровича, хочется, вместо последнего прости товарищу и другу, сказать об этих кусочках живой мысли Алексея Петровича.

Эти варианты должны быть тщательно собраны. Они должны еще сделать большое дело – помочь будущему поколению осознать, каким подлинным, большим художником надо было быть, чтобы из темного прошлого, минуя все препятствия, которые стояли на пути, сделаться писателем, известным всей нашей великой стране.

Смерть еще далеко не конец для Алексея Петровича. Он долго будет жить в своих произведениях.